

Стивен Кинг

Аяна

Часть сборника
После заката (сборник)

Стивен Кинг

Аяна

«АСТ»

2007

Кинг С.

Аяна / С. Кинг — «АСТ», 2007

«Даже не думал, что когда-нибудь об этом расскажу. Раньше жена не велела – говорила, никто не поверит, будут пальцем показывать. Больше всего она, конечно, боялась за себя, хотя и не подавала виду. „А как же Ральф и Трудит? – спросил я. – Мы ведь все там были“. „Трудит прикажет Ральфу держать рот на замке, – ответила Рут. – Да и братца твоего уговаривать долго не надо“...»

© Кинг С., 2007

© АСТ, 2007

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Стивен Кинг

Аяна

1

Даже не думал, что когда-нибудь об этом расскажу. Раньше жена не велела – говорила, никто не поверит, будут пальцем показывать. Больше всего она, конечно, боялась за себя, хотя и не подавала виду. «А как же Ральф и Трудि? – спросил я. – Мы ведь все там были». «Трудि прикажет Ральфу держать рот на замке, – ответила Рут. – Да и братца твоего уговаривать долго не надо».

Может, так и было. Ральф тогда заведовал сорок третьим отделом среднего образования в штате Нью-Гемпшир, а любому мелкому бюрократу меньше всего хочется засветиться в последней рубрике новостей наряду с летающими тарелками и койотами, которые считают до десяти. Кроме того, в хорошем рассказе о чуде надо сослаться на чудотворца, а Аяны к тому времени уже не было.

Все изменилось со смертью Рут – у нее случился инфаркт в самолете до Колорадо, куда она летела помогать по хозяйству после рождения внука. В аэропорту сказали, смерть наступила мгновенно (впрочем, сейчас им не то что человека – багаж страшно доверять). Ральфа хватил удар на чемпионате по гольфу для пенсионеров, а Трудि выжила из ума.

Отца нет уже давно; будь он со мной, ему перевалило бы за сто. Один я остался, и поэтому расскажу все как есть. Права была Рут: история невероятная и, как всякое свидетельство о чуде, никому ничего не доказывающая – разве что счастливым безумцам, готовым встречать чудеса на каждом шагу. Зато интересная. И все это случилось на самом деле. Мы сами видели.

Отец умирал от рака поджелудочной железы. Пожалуй, можно многое сказать о людях, судя по тому, как они описывают подобную ситуацию (и то, что я назвал рак «ситуацией», уже говорит кое-что о рассказчике, который всю жизнь преподавал литературу школьникам, чьи самые серьезные недуги сводились к прыщам и растяжениям связок).

Ральф сказал так: «Ему недолго осталось».

Моя невестка Трудि выразилась иначе: «Еще чуть-чуть, и он сгниет заживо». Мне сначала показалось, она скажет «сгинет». Я даже удивился – какое красивое сравнение. Конечно, от нее нельзя было такого ожидать, но мне хотелось совершенства.

Рут сказала: «Его дни сочтены».

Я не ответил: «Да будет так», но про себя подумал. Потому что отец страдал. На дворе стоял тысяча девятьсот восемьдесят третий, а двадцать пять лет назад мучения раковых больных воспринимались как должное. Помню, лет десять назад я где-то прочел, что большинство их уходит из жизни молча лишь потому, что не могут кричать из-за слабости. На меня тут же нахлынули воспоминания о палате отца, и до того живые, что я бросился к унитазу с позывами тошноты.

Тем не менее скончался отец спустя четыре года, в восемьдесят шестом, и убил его вовсе не рак, а кусок бифштекса, которым он подавился.

Дон – или Док – Джентри и Бернадетта – так звали моих родителей – ближе к старости переселились в Форд-сити, городок неподалеку от Питсбурга. Когда мать умерла, отец задумался о переезде во Флориду, но решил, что это ему не по средствам и в результате остался в Пенсильвании. Потом у него нашли рак, и он какое-то время лежал в больнице, рассказывая всем подряд, что прозвище Док получил за годы ветеринарной практики. Когда окружающие

---

¹ Аяна // © Перевод. Н. Парфенова, 2010

это усвоили, отца отправили домой умирать, а его семья – Ральф, Труд, я и Рут – приехала в Форд-сити для поддержки.

Я по сей день помню его комнату: на стене картина, изображающая Христа в окружении детей, у кровати – коврик-дорожка, сотканная моей матерью. Коврик был нездорово-зеленого цвета, она делала и получше. Рядом с кроватью стоял штатив для капельниц – кто-то наклеил на него эмблему «Питсбургских пиратов». Из дня в день я все сильнее боялся туда заходить и все дольше оставался внутри. Помню, когда мы детьми жили в Коннектикуте, отец, бывало, сидел на перилах крыльца: в одной руке банка пива, в другой – сигарета, рукав белоснежной футболки завернут и приоткрывает изгиб бицепса, а чуть повыше локтя – наколотую розу. Отец принадлежал к тому поколению, что спокойно ходит в синих невытертых джинсах и так же запросто называет их портками. Он зачесывал волосы в кок, как у Элвиса. Вид у него при этом был задиристый, как у перебравшего моряка, который, того и гляди, нарвется на драку. Ходил он по-кошачьи пружинисто, несмотря на высокий рост. Еще мне запомнилось, как они с матерью собрали вокруг себя всю танцплощадку в Дерби бешеным свингом под «Ракету 88» Айка Тернера и «Королей ритма». Ральфу тогда, кажется, было шестнадцать, а мне – одиннадцать, и мы смотрели на них, разинув рот. До меня тогда впервые дошло, что они делали так и по ночам, без одежды, напрочь забыв о нас.

И надо же было случиться, что в восемьдесят мой отец, ловкий танцор и задира, был выдворен из больницы и превратился в живые мощи, разве только с эмблемой «Пиратов» на штанах. Его глаза совсем пропали под кустистыми бровями. Он неудержимо потел, несмотря на два вентилятора, и вонял при этом, как старые обои в заброшенном доме. Из рта у него стойко несло разложением.

Мы с Ральфом были тогда далеко не миллионеры, но все же скинулись деньгами и, присовокупив остатки отцовских сбережений, наняли ему приходящих сиделку и домработницу. Они неплохо справлялись, поддерживали старика в чистоте, но когда моя невестка сказала, что Док вот-вот сгинет (я до сих пор хочу думать, что слышал именно это), турнир запахов был почти закончен. Матерый чемпион Дермо выигрывал с большим отрывом у новичка Присыпки, и рефери уже готовился объявить поражение. Наш Док был не в состоянии дойти до туалета (который упорно называл нужником), надевал подгузники и впитывающие штаны, но еще не настолько ослаб умом, чтобы не замечать или не стыдиться этого. Временами у него по щеке скатывалась слеза, а из горла – того самого, которое когда-то распевало «Эй, красотка!» – вырывался произвольный стон удивления и отвращения к себе.

Боли стали постоянными. Сперва они гнездились посреди живота, потом разлились вширь, пока отец не стал жаловаться, что болят даже веки и кончики пальцев. Болеутоляющие уже не действовали, а сиделка отказывалась увеличить дозу, поскольку отец мог не выдержать. Я хотел это сделать за нее и сделал бы, если бы жена меня поддержала. Однако на Рут было глупо рассчитывать в подобных делах.

– Она заметит, – сказала жена, намекая на сиделку, – и тебе несдобровать.

– Он же мой отец!

– Ее этим не убедишь. – Рут всегда принадлежала к тем, кто видит стакан наполовину пустым. Дело не в воспитании – она такой родилась. – Если кто-то еще узнает, тебя посадят.

Так и вышло, что я не убил отца. Никто из нас не решился. Вместо этого мы просто тянули время. Читали вслух, не зная, понимает ли он что-нибудь. Меняли подгузники, отмечали прием лекарств по графику на стене. Стояла адская жара, и мы то и дело переставляли вентиляторы, чтобы создать подобие сквозняка. Смотрели бейсбол по маленькому телевизору со сбитой настройкой – трава на поле казалась лиловой, и говорили отцу, что «Пираты» отлично выступают в этом сезоне. Обсуждали друг с другом его как никогда острый профиль. Наблюдали отцовские муки и ждали конца. И вот однажды, когда Док спал и храпел во сне, я оторвал взгляд от «Антологии американской поэзии XX века» и увидел в дверях высокую,

дородную негритянку, а с ней черную девочку в темных очках. Ее я запомнил до мелочей – будто все случилось только вчера. Она была лет семи, как мне показалось, но выглядела сущей крохой. Розовое платьице едва доставало до костлявых коленок, а на каждой тощей лодыжке над замызганными тапочками виднелось по пластырю с героями мультиков (помню, там был пират Сэм с рыжими усищами и пистолетами в обеих руках). Темные очки, судя по виду, достались девочке в довесок на блошином рынке: непомерно большие, они постоянно съезжали на нос, открывая глаза – застывшие, будто сонные, подернутые сизо-белой поволокой. Ее волосы были собраны на лбу во французские косички, на руке болтался пластиковый розовый чемоданчик с треснувшим боком. Она стояла на ногах, но в остальном казалась немногим здоровее моего отца, даже лицо ее было не шоколадным, а грязно-серым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.